

Павел Тулаев

ВЕНЕТЫ: ПРЕДКИ СЛАВЯН

Pavel Tulajev

VENETI: PREDNIKI SLOVANOV

По поводу книги Veneti. First Builders of European Community. Tracing the History and Language of Early Ancestors of Slovenes. Jožko Šavli, Matej Bor, Ivan Tomažič. Editiones Veneti. Wien Austria, 1996, 533 p.

Перевод на словенский язык

Милана Смолея

Издано при содействии

Юста Ругела

Москва 2000

П.В. Тулаев

Венеты: предки славян. - М.: Белые Альвы, 2000. - 192 с., ил., карты, библ.

Книга историка и филолога П.В.Тулаева представляет собой новое исследование давней научной проблемы о происхождении венетов (энетов, венедов). Кто они были: славяне, германцы, балты или кельты? В зависимости от точного ответа на данный вопрос существенно меняется картина древнего мира. В книге дан подробный обзор источников по венетам: от античных авторов до современных публикаций. Особое место уделено сенсационной книге трех словенских ученых М.Бора, Й.Шавли и И.Томажича “Венеты: создатели европейской цивилизации”. Специальные разделы посвящены новейшим открытиям по истории этрусков, антов, вендов, вандалов. Широта охвата проблемы, редкие иллюстрации и карты, а также использование методологии сравнительной семиотики позволили автору увидеть античность как родную, искаженную более поздними наслоениями реальность.

Издание включает сокращенный перевод текста на словенский язык, выполненный М.Смолеем. Имеется также резюме на английском языке.

ББК 63.3 (2)

ISBN

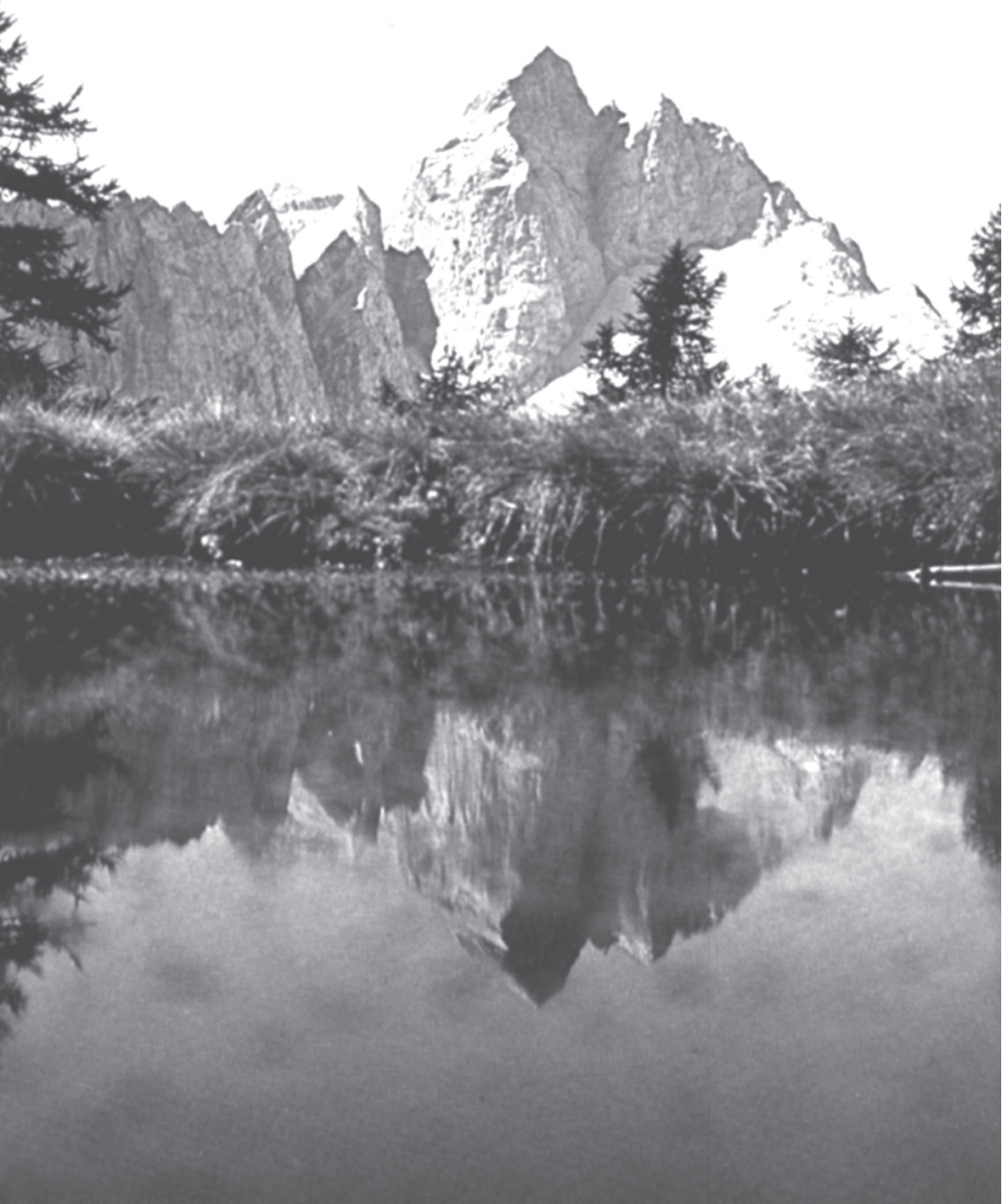
© Павел Тулаев. Текст, иллюстрации, 2000.

© Милан Смолей. Сокращенный перевод на словенский, 2000.

© «Белые Альвы», 2000.

Федор Озаренов. Верстка.

Предисловие

Тот, кто был в Финляндии и Эстонии, знает, что местные жители называют там Россию не совсем привычными для нас именами: VENE или VENALAINEN – на эстонском и VENAJA – на финском. Известно также, что “венетами” называют себя некоторые этно-религиозные общины современных язычников с центром в Петербурге. Человеку, далекому от исторических знаний, это может показаться чудачеством или анахронизмом. Ведь большинство людей не имеет даже приблизительного представления о том, какое огромное значение имеет для нас так называемая “венетская проблема”.

Венеты (энеты, венеды) – это этноним одного из древнейших племен европейской цивилизации. До сих пор не выяснено окончательно, кто именно были они, кто из современных народов ближе всего к венетам в генетическом отношении. Право родства оспаривают многие: и славяне, и кельты, и итальянцы, и германцы. Каждая из сторон приводит свои аргументы. В результате сложились целые научные школы, соперничающие друг с другом, и неподготовленному читателю порой трудно разобраться в лабиринтах археологической, лингвистической, культурологической терминологии.

Научная дискуссия по венетам развивалась без особых сенсаций приблизительно до середины 80-х годов, перебирая в основном старые факты, аргументы, гипотезы. Время от времени появлялись публикации на различных европейских языках, но они не решали проблемы, и вопрос о происхождении венетов оставался открытым.

Качественный прорыв произошел после открытий словенского ученого и писателя Матея Бора, сумевшего расшифровать древние венетские надписи. Он доказал их славянское (“словенское”) происхождение и подтвердил гипотезу о славянских элементах в надписях на этрусском языке. К выводу о славянском происхождении венетов пришел независимо от М.Бора на основе других данных Йожко Шавли, его соотечественник, исследовавший словенские корни раннесредневековой державы Карантания. Труды обоих ученых были опубликованы в одной книге под названием *“Венеты: наши далекие предки”*, сначала на немецком (1988) и словенском (1989), а затем на итальянском (1991) и английском (1996) языках.¹ Англоязычное издание, отпечатанное в Канаде, было дополнено развернутым историческим комментарием католического священника Ивана Томажича, специализирующегося на европейских древностях. Сейчас готовится русский перевод переработанных и дополненных исследований словенских ученых.

Цель данной работы – дать краткий обзор литературы по проблеме венетов на русском языке и сопоставить результаты отечественной науки с выводами коллег из Словении.

Что знали о венетах в древности?

Любая работа, посвященная венетам, не обходится без упоминания античных авторов. С этого начнем и мы, дабы ввести нашего читателя в курс хрестоматийных данных.

Греческая литературная традиция, восходящая к Гомеру и Гесиоду (VIII в. до н.э.), сохранила немало сведений об *энетах* (enetoi), чье название связывалось с легендарным Энеем, героем Троянской войны. Наиболее полные сведения об этом герое содержатся в “Илиаде”. Там говорится, что “предводитель троян” Эней был отпрыском древнего царского рода Дардана. Эней был любимым сыном богини Афродиты, дочери Зевса, которая зачала его от героя Анхиза “на многолесных вершинах богатой оврагами Иды”, в горах близ Трои. Вместе с Афродитой храброму герою покровительствовали гиперборейские боги Лето и Аполлон, а также повелитель морей Посейдон. Когда Энея ранил его противник Диомед, боги пришли к герою на помощь. Они похитили сына Анхиза и перенесли его в собственный храм на вершине Пергама, где Лето и Аполлон “сами в великом святилище мощь и красу возвращали”. Посейдон спас Энея, чтобы не погиб знатный род Дардана, “Зевсу любимого более всех человеков”.²

Генеалогическая миссия прочно закрепилась за Энеем и получила литературное развитие в сочинениях римского поэта Вергилия (70-19 гг. до н.э.), жившего на семь веков позже Гомера. Греческий поэт был олицетворением древней эпической традиции, передававшейся из уст в уста, а Вергилий – гениальным представителем римско-эллинистической книжной культуры. У него Эней наделен новыми чертами, но это не другой человек. Это тот самый герой Трои, что вынес на плечах из осажденного города своего отца Анхиза. Согласно “Энеиде” Вергилия, вождю троянцев было суждено после долгих странствий приплыть в Италию, где он основал город Рим и куда перенес богов из Трои. Действительно, после утверждения рода Энея, “возникшего от крови трояней”, на Апеннинском п-ве распространяется культ Венеры, римской Афродиты. Венера (от *venia* – “милость богов”) почиталась как богиня плодородия, любви и красоты. Ее считали прародительницей римлян через род Энея. Сын Энея Юл был основателем династии Юлиев, к которой принадлежал Юлий Це-

зарь, прозванный “божественным”. Вот почему в Италии было множество святилищ Афродиты-Венеры, а Помпей посвятил ей храм как богине Победительнице.³

Существование античного племени энетов подтверждают историки и географы того времени. Одно из первых свидетельств мы находим у Геродота (5 в до н.э.). В книге седьмой своей многотомной “Истории” он упоминает портовый город Энея в Македонии, а в первой книге описывает распространенный у иллирийских энетов обычай продажи невест. Они славились своей красотой еще со времен Елены Троянской.⁴

Страбон (63 г. до н.э. – 24 г.) считал, что прежде эне-ты жили в Пафлагонии, северной части Малой Азии, подробно

Пути миграций праславян по Ю.Петухову

описанной в его “Географии”. Сравнивая данные из нескольких источников, античный географ заключает: “Наиболее общепризнанным является мнение, что эти эне-ты были самым значительным пафлагонским племенем, из которого происходил Пилемен (вождь, упомянутый Гомером). Кроме того, большинство энетов сражалось на его стороне; лишившись своего вождя, они после взятия Трои переправились во Фракию и во время своих скитаний пришли в современную Эне-тику”. Их возглавлял Антенор, поселившийся с соплеменниками в северной части Адриатического моря.⁵

Страбон первым подверг критическому анализу противоречивые факты из различных легенд о странствиях Энея. Согласно “Илиаде”

Гомера, Эней остался в Трое и после гибели рода Приама наследствовал царскую власть, передав ее позже своим сыновьям:

*Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он и сыны от сынов, имущие поздно родиться.*
(“Илиада”, XX, 306).

Грамматик и географ Деметрий Скепсийский (2 век до н.э.) считал, что после крушения Илиона “столицей Энея” стал город Скеписис (Кебрена), расположенный в высокой части Иды, в Троаде. Там утвердились два царских рода: Аскания, сына Энея, известного также под именем Юл, и Скамандрия – сына Гектора.⁶

К этому мы можем добавить рассказ Вергилия о встрече Энея с царем этрусков Тархоном. Когда во время морских странствий вождю

Эней выносит на плечах своего отца Анхиза из Трои

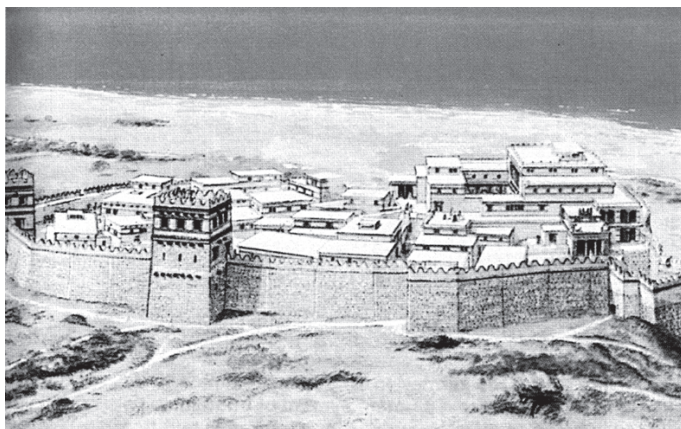
троянцев понадобилась помощь, он пришел в лагерь этрусков, “там предстал пред царем и назвал ему имя и род свой”. Выслушав исповедь героя, Тархон, “ни мгновенья не медля, с ним союз заключил”, а затем дал на помощь 30 кораблей и дружины союзных вождей.⁷ Земля этрусков находилась в Италии, где в те времена царствовала аристократическая династия Тарквиниев, пока ее не свергли в VI веке до н.э. республиканцы италийского происхождения.

Все три источника подтверждают одну историю о царском роде Энея, прославившемся после Троянской войны, хотя они по-разному описывают итог жизни легендарного героя и его сыновей. Вергилий включил в свою поэму факты из более поздней истории

энетов, которые еще не могли быть известны Гомеру. Заселение выходцами из Трои нынешней Венеции на Адриатическом море (у Страбона “Генетики”) происходило уже после периода проживания во Фракии и вероятных странствий.

За двенадцать веков со времени падения Илиона потомки Энея проделали большой исторический путь. Поэтому не удивительно, что к началу христианской эры энецы, или родственные им племена под названием “венеты”, расселились уже по всей Европе.

Одно из первых письменных сведений о венетах мы находим у великого римского полководца Юлия Цезаря (100-44 гг. до н.э.) из рода Энея в его книге “Галльская война”. В первой половине I века до Р.Х. цезарь предпринял военную кампанию против Севера с участием соседних племен варваров. Описывая местные народы, он сообщает о венетах следующее: “Это племя

Город Троя (Илион) в XIII веке до н.э. Реконструкция

пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытом в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю”. Цезарь обращает внимание на выдающуюся храбрость и высокую организованность венетов, которые “подняли на ноги и другие общины, убеждая их лучше оставаться верными свободе, унаследованной от предков, чем выносить римское рабство”.⁸

В I веке н.э. венеты были упомянуты в географическом трактате Помпония Мелы “Хореография” (40-е годы). Они располагаются на южном побережье Сарматского океана (Балтийского моря) между рекой Вислой и Репейскими горами в области, которая называлась Сарматией. На карте Европы, составленной по описанию Мелы имеются также Венетские горы, идентификация которых остается спорной.

Римские историки имели весьма приблизительное представление о территории и обычаях этого древнего, разветвленного народа, и название его писали по-разному. Плиний (23/24 – 79 н.э.) расска-

Фрагмент карты Европы по Помпонию Меле

зывает о некой земле Энингия, которая находится к северу от Черного моря рядом с заливом Килипен, островом Латрис и Меотийским озером. Она, согласно преданиям, “населена вплоть до реки Висулы сарматами, *венетами (venedis)*, скирами, хиррами”.⁹

Другое описание содержится в книге Тацита (вторая половина I в. н.э.) о германцах. Он помещает венетов на границе Свевии рядом с певкинами, феннами и сарматами, и сомневается, к кому их причислить – к германцам или сарматам. “Венеты (*venethi*) многое усвоили из их (германских) нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят (большие) щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты – это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне”.¹⁰

Греческий астроном и географ Птолемей (89-167 гг. н.э.) обнаруживает наших предков в Сарматии, расположенной в Восточной Европе. Ее населяют, по представлению Птолемея, “очень большие народы – *венеды* (ovenedae – греч.) вдоль всего *Венедского залива*”, рядом с гетонами, финнами, сулонами, аварами.¹¹

Чрезвычайно важные для нас сведения содержатся в знаменитой “Гетике” Иордана (VI в. н.э.). Летописец готского происхождения подробно описывает Скифию и Подунавье. Когда он доходит до Дакии, “укрепленной наподобие венца крутыми Альпами”, то

Прорись Певтингеровой карты

пишет, в частности, следующее: “У их левой стороны, которая склоняется к Северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя *венетов* (Venetarum patio). Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются *славянами и антами* (sclaueni et antes)”. Далее он описывает место проживания славян – от Дуная до Вислы, от Черного до Балтийского моря – и уточняет чрезвычайно важную для нас деталь о родословной венетов. Они, по данным готского историка, “произойдя из одного корня, породили три народа, т.е. венетов, антов и славян (Veneti Antes Sclaueni)”. Именно комментарий Иордана лег в основу многовековой традиции, считающей венетов предками славян.¹²

Данные античных авторов нашли свое отражение на так называемой Певтингеровой карте. Она была изготовлена в XII-XIII вв., но восходит к более древним источникам. Венеты указаны на ней дважды: первый раз к северо-востоку от устья Дуная, между даками и гетами, а второй как “венеты-сарматы” в предгорьях Северных Карпат. Певтингерова карта может быть использована как источник, ибо упоминание на ней венетов подтверждает факт широкого распространения этого этнонима вплоть до эпохи позднего средневековья.

Наконец, всей мировой наукой признаны данные о славянах, содержащиеся в трудах византийских авторов: “Войне с готами” Прокопия Кесарийского, “Истории лангобардов” Павла Диакона, “Истории” Феофилакта Симокатта и др. Речь в них идет уже о событиях раннего средневековья, когда варвары в результате победоносных войн разгромили римские войска, перешли вместе с многочисленными армиями через Дунай и вторглись в пределы империи. Такие события не могли пройти мимо внимания византийских летописцев и нашли подробное отражение в литературе. Так, например, у Прокопия Кесарийского один из разделов книги рассказывает о том, как “славяне опустошают Иллирию”, другой – как “славяне переходят через Истр и Гебр, прогоняя римлян”, а третий – “о нравах славян и антов”. Славяне были одной из главных сил варваров, разрушивших западную империю и покоривших Рим. Однако это было уже в V-VI вв. нашей эры, когда выходцы из “венетов”, “антов” и “скифов” стали известны как “склавины”.¹³

“Славяне” значит “словене”

Наши более близкие предки, если говорить об основателях Новгородской и Киевской Руси, считали себя по происхождению “словенами”, что нашло подтверждение в первых же летописях. Наиболее древней из них считается Лаврентьевский список “Повести временных лет”, чье авторство приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору (XI-XII вв.). Следуя книжной традиции своего времени, православный ученый обобщает данные, содержащиеся в церковных писаниях и устных преданиях. Первое упоминание имени “*Словѣне*” мы встречаем в перечислении народов, принадлежащих к семени Яфета, родоначальника одной из групп племен, которые, согласно Библии, расселились после Потопа на севере и западе. Словене помещены рядом с именами “Илюрик” и “Лухитая”, соответствующими Иллирии и Лугии (или Лехии). “Спустя много времени, – пишет Нестор в хрестоматийном фрагменте, – сели славяне *по Дунаю*, где ныне земля вен-

12

герская и болгарская, и от тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто на каком месте сел. Так, одни приидя, поселились по реке имени Морава и прозвались *моравами*, а другие назвались *чехи*. И еще те же славяне: белые *хорваты*, и *сербы*, и *хорутане*. Волохи напали на славян дунайских и поселились среди них и потесняли их, славяне же эти перешли и сели на Висле и прозвались *ляхами*, а от тех ляхов прозвались *поляне*, другие ляхи — *лутичи*, иные — *мазовшане*".¹⁴

Расселение славян к IX веку н.э. по А.Гудзь-Маркову

При изучении родословной, описанной Нестором, мы должны обратить внимание на одну важную деталь. В современных переводах древнерусской летописи оригинальный этноним “*словене*” почти везде переводится как “*славяне*”, а прилагательное “*словенский*”, соответственно, как “*славянский*”. Это привычно для нашего уха, но не вполне соответствует оригиналу. *Словенами*, возможно, называли тех, кто владели словом и понимали друг друга, в отличие, например, от немцев, “*немых*”. Позже

появились истолкования этнонима “славяне” от “слава”, что частично соответствует истине.

От Дунайского периода Нестор переходит к истории восточной колонизации, проходившей на несколько веков позже: “Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, иные сели по Двине и прозвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и называется Полотой. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – *словенами* (здесь переводчик оставил изначальный этноним), и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, по Сейму и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота прозвалась “славянской” (в оригинале “*словенской*”).

Свой изначальный этноним на Руси сохранили, как мы видим, только новгородские (ильменские) *словене*. Случайность ли это? Есть научные сведения об их генетических связях с предками на Дунае. Поляне были ближе ляхам-полякам. Из их рода вышли летописные братья Радко и Вятко – давшие имена радимичам и вятичам.

Поскольку во времена Нестора киевских и новгородских славян уже стали называть *русами*, а их речь – *русской*, то летописец (или его переписчик) счел необходимым подчеркнуть, что славянский язык и русский – одно и то же: “Ибо от варягов прозвалась Русь, а прежде были славяне”. Первый русский летописец придавал большое значение родовым истокам своего народа. Он всячески подчеркивает, кто относится к славянам, а кто – нет. В разделе о происхождении “языка словенска” от племени Иафета специально уточнено: “*норики – это и есть славяне*”. Из церковных преданий Нестор почерпнул сведения о том, что апостол Павел (+65 г.) проповедовал в Иллирике, а там, по утверждению летописца, “первоначально жили славяне”. Подводя итоги историческому обзору о предках, Нестор пишет: “Был единым народ славянский: словене, сидевшие по Дунаю, которых покорили угры, и моравы, и чехи, и ляхи, и поляне, которые ныне называются Русью”.¹⁵

“Повесть временных лет” оказала решающее влияние на формирование представлений русских историков об истоках славянства. Содержащиеся в ней факты дополнялись данными археологии, лингвистики, фольклора, но суть их при истолковании не менялась.

Долгое время внимание ученых было, в частности, сосредоточено на теме дунайской прародины. Ведь название Дунай встречается не только в летописях, но также в былинах и народных песнях. В фольклоре XVIII-XIX вв. оно уже потеряло изначальный

смысл и использовалось как декоративный рефрен свадебной или любовной темы, исконный смысл которого был утрачен. И все же в былинных и обрядовых песнях хорошо просматривается глубокий смысл сакрального имени Дунай:

*Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не заливай зеленые луга!
Во тех ли лугах есть ковыль-трава,
Во той ли траве ходит белый олень.
Ходит белый олень – золотые рога.*¹⁶

Здесь – магия, языческий заговор, а не только поэзия. Здесь – воспоминание о некоей священной реальности, каковым и был Дунай для наших предков. Язычники, как известно, обожествляли природные стихии: солнце, горы, озера, реки. Дунай был для них рекой рек, главной водной стихией, с коей связывались представления о границе миров. Именно к Дунаю обращается в начале своего заклинания княгиня Ярославна, героиня “Слова о полку Игореве” (XII век):

*На Дунае Ярославнин голос слышится,
Кукушкою безвестной рано кукует.
“Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю,
Омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
Утру князю кровавые его раны
На могучем его теле”.*¹⁷

С формально-географической точки зрения, Ярославна не могла находиться “на Дунае”. Она жила в Новгороде Северском, на Десне, притоке Днепра. Обращение к Дунаю имеет здесь мистический смысл, как в заговорах об острове Буяне, средоточии волшебных сил. Оно подчинено общей логике языческого мировоззрения. Однако миф содержит и следы конкретного исторического опыта, память о временах, когда Дунай был родной и близкой реальностью.

Память о дунайской прародине сохранилась не только в песнях. Любителям русской истории хорошо известен сюжет летописи, где рассказывается о Балканском походе князя Святослава (X век). “Не люблю мне сидеть в Киеве, – говорит он своей матери Ольге, жене князя Игоря. – Хочу жить в Переяславце на Дунае. Там середина земли моей, туда стекаются все блага: из греческой земли золото, паволоки, вина, различные плоды; из Чехии и Венгрии серебро и кони; из Руси же – меха и воск, мед и рабы”.¹⁸ Опытный полководец Святослав, разбивший к тому времени волжских бул-

гар и хазар, не мог ошибиться, называя Переяславец на Дунае “серединой земли” своей. Видимо, он хорошо знал о существовании родственников – славян в Южной Европе и готов был выступить в качестве их покровителя.

Имеется также любопытный документ XIV века под названием “Список русских городов дальних и ближних”. В нем православный автор из окружения митрополита Киприана, по происхождению болгарина, предпринял попытку обобщить данные о старых центрах славян. “*На Дунаи*, – согласно документу расположены, – Видычев град, о седми стенах каменных, Мдин. И об ону страну Дуная, Тернов, ту лежить святая Пятница. А по Дунаю, Дрествин, Дичин, Килиа. А на усте Дуная, Новое село, Аколякра. На море Карна, Каварна. А по сей стороне Дуная, на усть Днестра над морем Бельгород”.¹⁹ Далее перечисляются “русские города” в Литве, Молдавии, нынешней Западной Украине, которые были важными форпостами на пути восточно-европейской колонизации наших предков.

Открытие античности

Мы уделили внимание первым сведениям о славянской прародине в русских источниках, ибо они менее всего замутнены комментариями современной науки, где часто на первый план выступают те или иные методы исследования, а не сама историческая реальность.

Проследим теперь, как развивались представления историков о прародине славян на протяжении последних веков. Мы будем здесь, прежде всего, иметь в виду *венетов*, хотя хорошо понимаем, что среди наших предков были также русы, анты, скифы, финны, прочие народы северной и восточной Европы. Для помощи используем опыт предыдущих исследователей, работы которых указаны в конце обзора и в библиографии.

Первая известная нам попытка систематического изложения русской истории после “Повести временных лет” была предпринята в так называемой “Степенной книге” (1560-1563 гг.), представлявшей собой описание родословной (*степеней* или поколений) русских государей. В этой выборке из церковных и светских хроник славянская прародина помещается в Иллирии, что соответствует библейскому первоисточнику и летописи Нестора. Данные “Степенной книги” позже неоднократно повторялись переписчиками и другими авторами, так как долгое время она оставалась одним из немногих доступных на Руси источников по исторической географии.²⁰

Во времена Петра I на русский язык был переведен труд славянского просветителя Мавро Орбини из Далмации (ныне Хор-

16

Русы в средневековой Европе по А.Кузьмину

ватия), жившего на рубеже XVI-XVII веков. Его “Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими царствами, королевствами и провинциями” (1722 г.) оказала существенное влияние на развитие исторических представлений просвещенного на западный манер дворянства, в среде которого собственная научная традиция еще не сложилась. Главная особенность концепции Орбини состоит в том, что он существенно расширяет границы понятия “славяне”, куда включает помимо венетов, вендов и русов – вандалов, гетов, иллирийцев, готов, аланов, сарматов и других.²¹

В.Н.Татищев (1686-1750) был одним из первых историков в России, обобщивших огромный объем данных, современной ему науки. При написании своего фундаментального труда он опирался преимущественно на польских авторов (Бельского, Стрковского и др.). В первой части его “Истории Российской” есть глава “Иенети, или генети, гети, даки, истры”, где исследуется вопрос об этногенезе наших предков. Татищев разделял мнение о происхождении славян от “генетов”, пришедших в Европу из Пафлагонии после разгрома Трои. “Се уже никоего сумнения нет, что от тех иенетов, или венетов, наши славяне пошли, и где бы они инде поделись, токмо что славяне перекресчены (в смысле “переименованы” – Т.П.), к полуденным странам обратясь”. Знал Татищев и о венетах балтийских, родственниках вандалов. По его мнению “Вандальское, или Венденское, государство славенское паче всех других славенских знатно было”. С ними же он связывает происхождение дунайских славян и основателей города Новгород, которых соседи-финны прозвали “венеляйн”.²²

Близкую по смыслу научную картину славянской прародины представили находившиеся на службе Российской империи немецкие историографы А.Л.Шлёцер (1735-1809) и Х.А.Шлёцер. Первый отстаивал гипотезу о происхождении славян от иллирийцев и венетов. Он считал, что в Паннонии, Норике и Каринтии проживали славяне, но римляне называли их иными именами. Второй – также настаивал на европейском происхождении славян и не связывал их прародину со Скифией и Сарматией. По его мнению, славяне пришли в Восточную Европу с Подунавья, расселившись на большой территории от Вислы и Карпат до Днепра и Волхова. Этот процесс занял столетия.²³

Большую эрудицию и знание источников показал выдающийся ученый-энциклопедист М.В.Ломоносов (1711-65), критиковавший школу Шлёцера с патристических позиций. Он опирался на известные ему труды Птолемея, Плиния, Тацита, цитировал известный фрагмент Иордана и “Повесть временных лет” Нестора. При

изложении истории происхождения малоазийских “енетов” Ломоносов опирался на авторитет историка Тита Ливия. В книге русского ученого по российской истории отдельная глава посвящена “дальной древности славенского народа”. Здесь он полемизирует с противниками теории о происхождении славян из Иллирии, где они проживали с “баснословных веков”: “Древнейшее всех передвижение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу. Что оное двумя путями происходило, водою и по суку, из выше писанного усмотреть не трудно. Ибо венеты из Трои с Антенором плыли Архипелагом, Посредиземным и Адриатическим морем. И весьма вероятно, что после оного по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли жительствовавать. Подтверждается сие, во-первых, тем, что венеты весьма широко распространились по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от времени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в Азии не полагалась, ибо уже у Птолемея почитается как малая часть Галатии”.

Ломоносов упоминает также о “пребогатом купеческом городе и пристани Винетта”, “от венетов созданный и проименованный”. Этот славянский город, расположенный в устье реки Одры, по утверждению современников, “превосходил величием все иные города европейские”. Он процветал до тех пор, пока его не разрушили датчане, давние конкуренты славян в Балтике. В “Древней Российской истории” Ломоносова мы находим описание нравов и веры “вендских померанских славян”: здесь и объяснение культа Световида на острове Руген (Руян), и портрет кумира Радегаста, и упоминания гаданий по знамениям.²⁴

Достаточно подробные сведения о предках славян собрал в знаменитой “Истории государства Российского” Н.М.Карамзин (1766-1826). Он пересказывает из летописных и литературных источников известные факты о венетах, живших по Висле, о *Венедском море* и городе *Винетте*, о языческих храмах в Арконе и Щецине, где археологи нашли идолов славянских богов с руническими надписями. Карамзин знал о том, что у наших предков задолго до крещения была своя письменность. Он писал: “Венеды, или славяне языческие, обитавшие в странах балтийских, знали употребление букв”, и в качестве примера приводил рунические надписи на языческих кумирах из Ретры. Языковое единство было утрачено в результате расселения и разделения на племена. В результате возникло несколько славянских “наречий”: русское, польское, чешское, иллирическое, кроатское. После-

Северо-западные славяне в IX веке н.э.

днее, по мнению, Карамзина, “сходно с виндским в Стирии, Карантии, Крайне”, а также на южном берегу Балтики, где эти славянские диалекты ныне вытеснены немецким языком.²⁵

В эпоху неоклассицизма изучение древних языков входило в круг обязательных знаний ученых-аристократов. Гомер изучался на греческом, Тацит – на латыни, Библия – на церковно-славянском. Появились и первые специалисты по редким языкам. Одним из них был А.Д.Чертков, выпустивший уникальный для того времени труд “О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древнесловенским” (1855). Чертков прослеживал родственную связь между пелазгами, этрусками и венетами, считая, что они пришли в Италию из Малой Азии. Он отвергал популярную в то время теорию ретийского происхождения этрусков, согласно которой последние являются потомками нордических племен. Чертков доказывал, что этруски, чье самоназвание было *расены*, двигались из Средней Италии на север, а не наоборот.²⁶

Одновременно с исследованием Черткова в Москве были опубликованы “Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности” (1854) Е.Классена. Он был немцем по происхождению, но став русским дворянином и преподавателем гражданского права в Российской Империи, достиг, благодаря своему образованию, высочайших чинов: попечителя Академии и члена Комиссии по коронации Николая I. Классен внимательно изучал археологические данные глубокой древности и читал этрусские надписи с помощью десяти языков, тут же давая переводы. В результате исследования всех доступных ему данных по античной истории ученый пришел к выводу: “Эней троянский был не только славянин, но именно Русс”.²⁷

Удивительные открытия ученых в области славянских древностей вызывали отклик в образованной дворянской среде, но в целом аристократия была далека от славянофильства. До войны с Наполеоном она даже дома говорила на французском языке, который позже вытеснили немецкий и английский. В вопросе о происхождении Руси господствовала так называемая “норманнская теория”. Согласно ей государственность в Россию принесли варяги с севера. Эту теорию особенно рьяно защищали выходцы из Германии и Скандинавии.

Самостоятельная историческая школа в XVIII-XIX веках в России только начала складываться. Татищев занимался древностями в свободное от работы в должности губернатора Астрахани время. Ломоносов одновременно с историей занимался химией, физикой, механикой, искусством и литературой. Карамзин начинал свою писательскую карьеру с “Бедной Лизы”, а уже потом открыл для

русских дворян “историю государства российскаго”. Автор малоизвестной сегодня книги о происхождении болгар, хорватов и сербов И.Раич, изданной в 1794 году на русском языке в Вене, был архиепископом Свято-Архангельского монастыря в Ковеле.²⁸

Достаточно прочные традиции в изучении славянского вопроса к этому времени были заложены в Польше (часть которой входила тогда в состав Российской Империи), в Чехии и Словакии (они были частью Австро-Венгерской империи Габсбургов). Среди поляков, прежде всего, следует назвать Яна Потоцкого (1761-1815). Он всю жизнь изучал греческие, римские и византийские памятники и опубликовал собранные сведения о славянах в трех книгах. Исследования Потоцкого были дополнены его земляками В.Суровечким и З.Ходаковским.²⁹

Среди словацких филологов той эпохи более всех прославился П.Шафарик (1795-1861), выдающийся ученый, писатель, поэт, иностранный член Петербургской Академии наук. Им были критически переосмыслены все доступные к тому времени античные и средневековые источники. Результаты исследования были объединены в фундаментальный труд “Славянские древности”, изданный одновременно в Праге и Москве (1837). Шафарик признавал важность вопроса об индоевропейцах, но при этом считал, что начало славян, имевших собственную линию развития, следует искать в средней и восточной Европе. Античные авторы называли наших предков венетами, хотя это не было их самоназванием. Славяне называли себя сербами, словенами, ставанами. К южной ветви славян Шафарик относил невров, будинов и борисфенов. В IV веке до н. э. под натиском кельтов с запада славяне вынуждены были переселиться из Паннонии и Иллирики на восток, за Карпаты.³⁰ Шафарик был признан ведущим авторитетом славянской автохтонной школы XIX века и повлиял на исследования ученых других стран. Знаменитый поэт Я.Колар, выдающийся историк С.Соловьев, польский ученый И.Первольф – все они тщательно изучали “Славянские древности” Шафарика.

Идеология или наука?

Каждая эпоха привносила свои методы и акценты в научные исследования. С середины XIX века интерес ученых стали привлекать результаты антропологии – молодой науки о строении человеческого тела. Общий тон в этой области задавали авторы германского происхождения. Шведский исследователь А.Ретциус классифицировал древние народы по антропологическим признакам. В группу “долихоцефальных ортогнатом” (длинноголовых) попали германцы, кельты, римляне, греки и индо-иранцы, а славяне,
22

литовцы, финно-угры, баски и другие были отнесены к типу “брахицефальных ортогнатов” (короткоголовых). Так, в европейской науке родилась теория о двух первоначальных расах, развившаяся позже в миф об индогерманской общности и идеологию расового превосходства нордического типа.

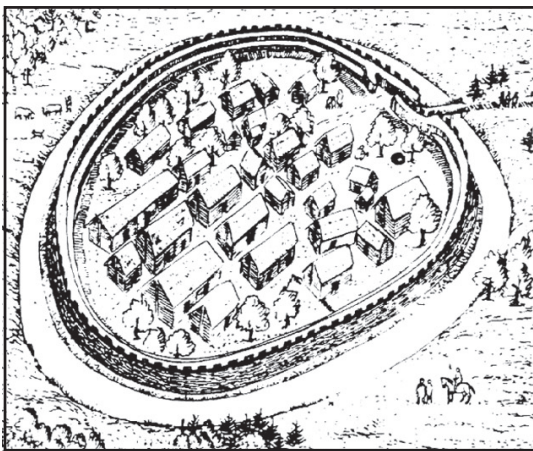
В славистике развернулась дискуссия по поводу выводов антропологов. Часть ученых признавала результаты исследований школы Ретциуса, а часть доказывала спорность его методологии (Т.Лер-Сплавинский, Т.Алексеева, Я.Чекановский и другие). Последние доказывали славянское происхождение цивилизаций на Балтийском побережье Европы в районе Вислы и Одра. Там тоже преобладал нордический тип долихоцефалов со светло-русыми волосами. Ближе к югу процент долихоцефалов уменьшался, но он не был связан непосредственно с представителями германских племен, а скорее отражал географические и климатические условия региона.³¹

В связи с вопросами антропологии по-новому зазвучали археологические аргументы сторонников славянского происхождения так называемой Лужицкой культуры (Лужица расположена между Вислой и Эльбой, рядом с Силезией). Эти земли, известные античным авторам как венетские, признавались многими учеными в качестве культурного очага расселения славян. Сторонники автохтонной теории не перечеркивали результаты исследований более древних индоевропейских пластов, но они противостояли чрезмерному увлечению арийскими и малоазийскими корнями наших предков, изучением которых занимались в то время такие ученые как А. Риттих, В.Флоринский, А.Гильфердинг.³²

Крупнейшим авторитетом XX века в области славистики признан чешский ученый Л.Нидерле (1865-1944). Его основные труды “Славянские древности” в трех томах и “Жизнь древних славян”, содержащие энциклопедические сведения об античной истории, быте и культуре наших предков во многом стали образцовыми. Краткое изложение результатов исследования чешского слависта было издано на многих европейских языках, включая русский. Нидерле привлек данные современной науки в области лингвистики, антропологии, географии, ботаники, археологии, обобщил их с критической точки зрения. В целом он разделял взгляды автохтонной школы. Автор “Славянских древностей” считал, что индоевропейская общность распалась на отдельные языки в начале II тысячелетия до н. э. Некоторое время существовал балто-славянский языковой ареал, но уже к I тысячелетию образовался самостоятельный праславянский язык. Нидерле критически относился к теории Дунайской прародины, помещая ее к северу и востоку от Карпат; он акцентировал свое внимание на восточно-европейских

племенах невра, будинов, скифов-пахарей, считая их славянами. Под влиянием Нидерле до сих пор находятся многие ученые не только в центрально-европейских странах, но и у нас.³³

В России к началу XX века сложилась достаточно сильная историческая школа, представленная такими авторитетными именами как А.Погодин³⁴, А.Шахматов.³⁵ Последнему принадлежит наиболее разработанная и систематичная концепция происхождения славян. Шахматов, всю жизнь занимавшийся изучением и изданием славянских летописей, не разделял модное увлечение Востоком. Он был убежденным сторонником локализации славянской прародины – и даже индоевропейцев в целом – в центральной Европе, на территории Австрии и Южной Германии.

Лужицкое поселение эпохи железного века. Реконструкция.

После первой мировой войны и “русских революций” общую атмосферу академических исследований нарушили катастрофические события, завершившиеся крушением Российской империи. Пострадали не только люди. Революционные власти перевернули вверх дном всю систему общественно-экономических отношений: они “экспроприировали” промышленные предприятия, разорали частные имения, сжигали целыми библиотеками старые книги. Практически вся литература с дореволюционной орфографией, а это была почти вся печатная продукция, была уничтожена.

В исторической науке общий тон стали задавать идеологические теории. В СССР это был марксизм, с его экономическим и материалистическим детерминизмом, а в центральной Европе – расизм, где лидировали германские нацисты. Именно в это вре-

Бытовые предметы и украшения Луизицкой культуры

мя широкое распространение получила теория индогерманской расы немецкого археолога Г.Коссины (1858-1931), согласно которой прародина индоевропейцев находилась в северной Европе. Славяне же, по утверждению немецкой школы, происходили из восточно-европейского полесья, болот и степей Поднепровья.

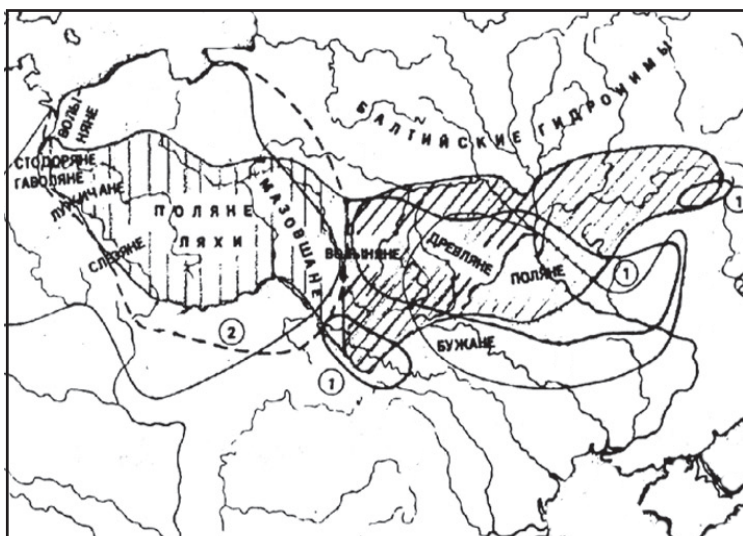
В 30-х годах русскую науку настигла очередная трагедия, которая стала закономерным результатом революции большевиков и их идеологии. Под видом борьбы с контрреволюционными элементами органами НКВД было сфабриковано так называемое “Дело славистов”. Ученым с мировыми именами, академикам и профессорам в области филологии, лингвистики, этнографии, истории, литературоведении, таким как Н.Державин, В.Вернадский, Н.Дурново, М.Грушевский, был вынесен приговор, в котором они обвинялись в организации “Российской национальной партии” с целью свержения советской власти и установления в стране фашистской диктатуры. Славистам приписывалась, в частности, связь с “лидером фашистского движения за границей – князем Н.С.Трубецким”, который на самом деле был выдающимся лингвистом. Десятки специалистов попали по абсурдному обвинению в ГУЛАГ.³⁶ А по всей стране таких жертв были миллионы.

С формальной точки зрения, факты политических репрессий и идеологической нетерпимости не входят в проблему славянской прародины, но надо ясно понимать, что они, мягко говоря, не способствовали развитию отечественной славистики. Репрессивный аппарат большевиков вырвал из жизни лучших специалистов того времени, освободив место приспособленцам и убежденным марксистам-ленинцам. В данном контексте следует рассматривать марксистское учение историка М.Н.Покровского и его последователей.

Ни сама революция, ни идеологическое насилие марксистов, ни политические репрессии не смогли, однако, остановить развития науки в целом. Она частично деформировалась, потеряла своих квалифицированных работников, попала под влияние власти, но даже в этих условиях продолжала развиваться. В советские годы в рамках отечественной школы славистики выросло несколько крупных ученых, в трудах которых проблема истоков занимала важное место.

Большое влияние на всю послевоенную славистику оказали труды выдающегося советского ученого, академика Б.А.Рыбакова, возглавлявшего в последние годы Институт археологии АН СССР. Он автор серии специальных статей и нескольких фундаментальных монографий, среди которых особую популярность получили книги “Язычество древних славян” (1981) и “Языче-

ство древней Руси” (1987). В своих трудах по язычеству академик обобщил исследования ученых нескольких поколений: от А.Н.Афанасьева и А.С.Фаминцина до А.Ф.Лосева и В.Я.Проппа. У них он наследовал особое внимание к мифологии, в частности гиперборейским богам Лето, Аполлону и Артемиде. Из зарубежных исследований автору “Язычества древних славян” ближе всего по духу работы представителей польской и чешской автохтонной школы.

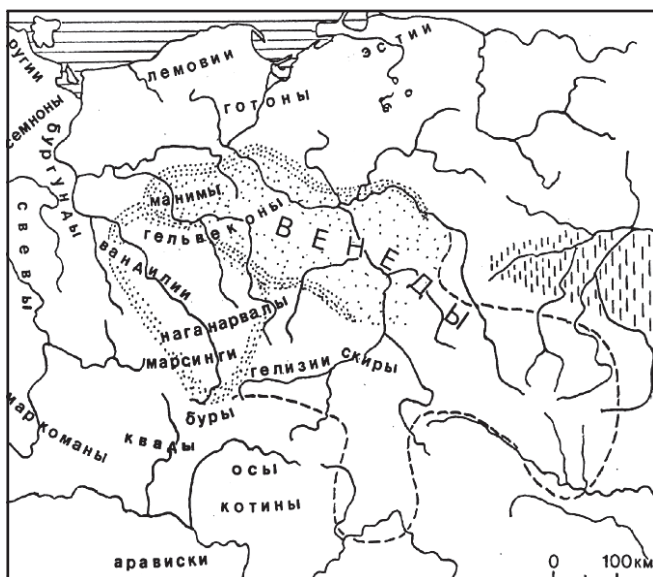

Территории славян в XIV-IX вв. до н.э. по Б.Рыбакову

В изучении прародины славян Рыбаков использовал работы Б.В.Горнунга, который располагал древнейший очаг индоевропейцев в бассейне Дуная и на Балканском п-ве (V тыс. до н.э.). Археолог считал, что расселение предков славян шло с юга на север: от горного барьера Альпы–Рудные горы–Карпаты до Рейна, Эльбы, Одера и Вислы. О *протославянах*, по мнению Рыбакова, можно говорить начиная с конца III – начала II тысячелетия, а о *праславянах* – с середины II тысячелетия до н.э.

В западной части праславянского мира в XIII–V веках до н.э. складывается так называемая “Лужицкая культура”, которую называют также венетской. Лужицкая цивилизация простиралась от Эльбы до Припяти и от Альп до Балтики. По мнению Рыбакова, ядро лужицкой культуры формировали не славяне, а “кельто-иллирийцы”. Более того, он считает, что “поглощение половины

шем обитании индоевропейцев в Европе. Трубачев выводит праславянский язык непосредственно из индоевропейского в III-II тысячелетии до н.э., минуя промежуточную балто-славянскую стадию. С глубокой древности славяне занимали земли Паннонии, о чем свидетельствуют данные топонимии и что подтверждено русскими летописями. Экспансия кельтов стимулировала передвижение славян к северу от Карпат, освоению района Вислы, а позже Поднепровья, где сформировался русский этнос. В одной из своих новых публикаций О.Трубачев приводит дополнительные аргументы в пользу теории гомогенности славянской языковой общности. Попытки вывести славян из сложения двух или трех этносов, будь то

Локализация венетов в начале н.э. по В.Седову

балто-славяне или славяно-греко-арийцы, представляют собой регресс в научном отношении.³⁸

Археолог В.В.Седов, чью книгу “Славяне в древности” мы использовали для данного обзора, с помощью ретроспективного метода локализует славянскую прародину в бассейне Вислы, где в V-II вв. до н.э. существовала культура “подклешевых погребений”. На ее основе сложилась “пшеворская” культура, находившаяся под влиянием кельтских и германских племен. В районе Вислы преобладало славянское население, в районе Одера – германцы, но и здесь было немало славян. Взаимодействие сла-

вян, германцев, кельтов, италийцев, по мнению Седова, существовало с древнейших времен, чему способствовали миграции и торговые связи в Подунавье. Распространение славянской цивилизации в христианскую эпоху шло с запада на восток, поэтому нет смысла искать ее корни в иранизированном Поднепровье. Седов противник идеологического схематизма, он критически относится к источникам и весьма аккуратен в научных обобщениях. В дискуссии о венетах ученый склонен доверять античным авторам и считает, что “под этим именем действительно скрываются славяне”. В качестве одного из аргументов Седов приводит этноним WENDEN/WINDEN из верхненемецких диалектов. Это имя используется для обозначения соседних славян, в том числе лужицких сербов, которые до сих пор проживают в Германии в качестве этнического меньшинства.³⁹

Собственную концепцию прародины русских предков предложил историк А.Г.Кузьмин. Автор серии публикаций по данной теме, популярной биографии В.Татищева, составитель хрестоматий “Златоструй. Древняя Русь X-XIII веков” (Москва, 1990), “Славяне и Русь: проблемы и идеи” (Москва, 1999), потратил немало сил на исследования западноевропейских Русов и Ругов эпохи средневековья. Кузьмин доверяет летописной традиции и привлекает свидетельства не только русских, но и зарубежных авторов, таких как Иордан, Саксон Грамматик, Адам Бременский. Он считает, что первоначальной прародиной славян на Руси был Норик – область Нижней Австрии и северо-западные районы Югославии. В северном Норике он видит Ругиланд, “отечество Ругов”, чье имя, по его мнению, позже было перенесено на Руссию и Россию.⁴⁰

Население северной Руси, по мнению Кузьмина, произошло от балтийских славян, то есть венетов. “Римские завоевания накануне и в первые века н.э., – пишет автор брошюры “Кто в Прибалтике “коренной”?”, – вызвали отток на восток ряда племен, в частности, кельтских. Так, венеты из Арморики (кельтическое “Поморье”, нынешняя Бретань) уплыли от легионов Юлия Цезаря на судах; на северо-восток от Альп ушло небольшое племя руриков (рауриков), называвшееся так, видимо, по реке Рур (Раура) и давшее выходцам из него личные имена Руриков (Рюриков)”. От рода Рюриков, германо-русского или кельто-венетского корня, произошли князья, основавшие Новгородскую и Киевскую Русь.⁴¹

До сих пор мы перечисляли авторов, которые решили вопрос о славянском происхождении венетов либо положительно, либо нейтрально. Для полноты картины представим хотя бы нескольких авторов старшего поколения, занимающих последовательно

критическую позицию в данном вопросе.

Прежде всего, тут следует упомянуть профессиональных славистов Г.Г.Литаврина и Л.А.Гиндина, авторов ряда специальных исследований, и составителей “Свода древнейших письменных известий о славянах” (Москва, 1994). Данный свод представляет собой первый в России опыт строго академического издания корпуса оригинальных античных текстов по интересующей нас теме с параллельными переводами и комментариями. В вопросе о венетах комментарии эти приобретают полемический и критический характер. Литаврин и Гиндин считают, что у их предшественников не было достаточных оснований для признания венетов славянами. В западных венетах они склонны видеть германцев и кельтов, а в восточных – иллирийцев, италийцев и скифов. Главная ошибка сторонников славянского происхождения венетов, по их мнению, состояла в некритическом следовании данным Иордана и русским летописям. Их окончательный вывод строг, как приговор: “Идентификация славян с частью венетов у Иордана, хотя и прочно вошла в научный оборот, не имеет ничего общего с реальной историей”.⁴²

Большую полемическую статью под названием “История венетов” написал современный публицист А.М.Иванов. Показывая большую эрудицию, он признает глубокую древность венетов как таковых. Их цивилизация восходит к Унетской культуре XVIII в. до н.э. (территория современной Чехии), откуда распространился антропологический тип долихоцефалов. Венеты обитали на территории нынешней Польши и северо-восточной Италии. Но они, по мнению Иванова, были кельтами. Иванов критикует точку зрения В.Седова, Н.Третьякова, других сторонников славянской идентификации Лужицкой культуры и утверждает: “Славяне уничтожили венетскую культуру в междуречье Вислы и Одера, но поскольку венеты жили в этих местах тысячу лет, соседние народы по привычке какое-то время называли и новых поселенцев венетами”. По поводу письменности венетов критик пишет, что “ни один лингвист не относит этот язык к славянскому”, а многие считают его диалектом иллирийского. По убеждению Иванова, необходимо сбросить романтическую завесу с венетской проблемы и откровенно признать: “венеты – не славяне, лужицкая культура – не славянская, и все встанет на свои места”.⁴³

Каждому ученому хотелось бы внести решающий вклад в изучение той или иной спорной проблемы. Однако пока в научной дискуссии по вопросу о прародине славян и русов, а шире – европейцев, последнюю точку ставить рано. Появляются все новые и новые данные археологии, лингвистики, семиотики,

новые имена в науке. Об их концепциях и гипотезах пойдет речь в заключительной главе, а пока ограничимся сказанным. Изложенного вполне достаточно для того, чтобы ввести в курс дела не только случайного читателя, но даже специалиста историка, хорошо ориентирующегося в теме. Поэтому теперь мы приступим непосредственно к разбору книги словенских авторов.

Почему венеты?

Научные труды пишутся не в безвоздушном пространстве. Их содержание, стиль, язык и прочие особенности определяются исторической эпохой, духом времени, личностью авторов. Большое проявляется через малое. Книга “Венеты: первые строители европейского сообщества” тоже носит на себе следы эпохи, которые следует учитывать.

Конец XX века принес миру новое перераспределение сил в глобальном масштабе. После объединения Германии и краха СССР, за которым последовало разрушение Варшавского договора и экономической базы Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), был дан импульс центростремительным европейским тенденциям. Он привел сначала к укреплению Европейского союза во всех его формах, а затем – к усилению западноевропейского лагеря во главе с НАТО и США. В этих условиях разразилась очередная Балканская война. На региональном уровне конфликт проявился в форме борьбы различных этнических, религиозных и идеологических общностей. В мировом масштабе это означало укрепление германо-романского мира и ослабление славянства.

В результате распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), созданной после второй мировой войны под руководством лидера партизанского движения и коммуниста-диктатора И.Броза Тито, многонациональный союз славян распался на несколько суверенных государств: Словению, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Македонию и Югославию, включающую Сербию и Черногорию. Те внутренние противоречия, что накапливались в СФРЮ годами, вдруг разом обострились, проявились вовне и привели к трагическим столкновениям.

Граждане молодых государств почувствовали себя новыми историческими субъектами. Они как бы вновь обрели свое “я” и в этом качестве принялись переоценивать свое прошлое и настоящее. То, что еще совсем недавно определялось официальной пропагандой как дремучее прошлое, пережитки средневековья, реакционные воззрения и ретроградство, вдруг приобрело совсем иное, свежее и полное актуального смысла звучание. Именно так случилось с древними венетами.

Целые столетия словенцев со школьной скамьи учили тому, что их предки пришли на Балканский полуостров в VI веке, когда Западно-Римская империя была разрушена варварами. Поскольку словенцы входили в состав государства с названием “Югославия”, то им объясняли, что они, как сербы, хорваты, македонцы и болгары входят в группу так называемых *южных славян*. К западным славянам официальная наука относила поляков, чехов и словаков, а к восточным – русских, белорусов и украинцев.

Такого объяснения, весьма схематичного и во многом противоречивого, было достаточно для школьников и студентов. Простые люди, как правило, не вникали в тонкости этногенеза. А там, где на почве национальных особенностей и разногласий все же возникали вопросы, вступали в силу жесткие законы социалистического государства, использовавшего методы политического террора и репрессий. Интернациональная политика Тито, основанная на марксистской идеологии, на деле приводила к поддержке номенклатуры из Коммунистической партии Югославии (КПЮ), позже переименованной в Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

Между тем, наука не стояла на месте. Ученые Словении, изучая прошлое своей родины, все чаще и чаще встречали исторические факты, противоречащие теории происхождения словенцев от южных славян, якобы пришедших из-за Дуная в VI веке. Все свидетельствовало о том, что словенцы – автохтонный этнос, проживающий в центральной Европе с дохристианских времен.

Одним из таких ученых был Йожко Шавли. По образованию экономист, он окончил университет в Любляне и получил докторскую степень в Вене. Из-за своих диссидентских убеждений Шавли в молодости вынужден был эмигрировать в Италию, точнее в ту ее северную область, где прежде жили славяне. Увлечшись историей Карантании, или Хорутании, средневекового государства словенцев, которое возникло в результате падения Римской империи, он обнаружил, что истоки его родной культуры намного глубже, чем это представлено официальной наукой. И ученый принялся за тщательное изучение фактов.

Результаты исследования превзошли все ожидания. Оказалось, что предки и родственники хорутан (под этим именем словенцы упоминаются уже в древнерусской летописи) жили в Альпах задолго до римской колонизации. Они были обитателями тех регионов, что известны античным историкам как Реция (Rhaetia), Норик (Noricum), Винделиция (Vindelicia). Предки словенцев не были ответвлением иллирийцев, к которым некоторые авторы приписывали малоизученные этносы, а были потомками венетов, тех самых древних праславянских племен, что уже за тысячелетие до Р.Х. заселяли просторы Центральной и Северной Европы, имея

развитую по тем временам цивилизацию. Появление венетов в Альпах восходит к эпохе расцвета так называемой “Лужицкой” археологической культуры (от Одры до Вислы) и культуры “Полей погребений и погребальных урн”, датируемых XIII-VIII вв. до н.э.

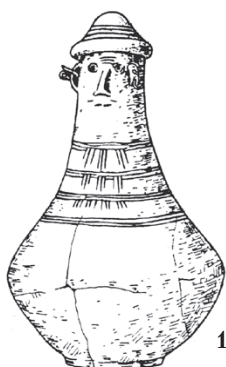
Это открытие кардинально меняло перспективу истории Словении, подтверждало славянское происхождение венетов и одновременно ставило целый ряд новых проблем. Сенсационных материалов хватило бы не на один исторический роман. Однако наука не любит романтиков и идеалистов-фантастов. Она ценит лишь достоверные факты, множество раз проверенные и доказанные с точностью математической формулы. Этой черновой работой доктору Шавли и пришлось заняться.

Прежде всего ученый засел за специальные монографии и изучил историю вопроса.⁴⁴ В обзоре научной литературы Шавли подчеркивает идеологическую ангажированность ученых прогерманской и прокельтской линии, критикует романтизм и сознательные искажения панславистов. Ему ближе и понятнее школа польских автохтонистов, стоящих на точке зрения исконного происхождения славян от Лужицкой культуры. Что это была за цивилизация?

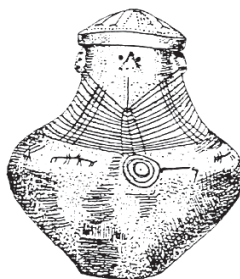
В период между 2000 и 1700 годами до н.э., который совпадает с третьим этапом неолита, в центральной Европе получила распространение *культура боевых топоров и шнуровой керамики*. Она стала постепенно передвигаться с северо-запада на восток, где была характерна *культура головчатой керамики*. В результате взаимодействия этих элементов возникает *Унецкая* культура с преобладанием боевых топоров и шнуровой керамики. Она интенсивно развивается и из нее к 1300-1100 гг. до н.э., то есть к середине бронзового века, вырастает знаменитая *Лужицкая* культура. Она названа так археологами по месту Лужица (Lausitz), между Одрой и Вислой, и, по-видимому, восходит к античному этнониму “*лугии*”.

По данным археологов и антропологов именно здесь начала формироваться праславянская общность. Взаимодействие с балтами и угро-финнами на востоке, а также кельтами и германцами на западе не лишило ее самостоятельности. Напротив, Лужицкая культура стала распространяться от среднего течения Одры до Днепра и от горных массивов Карпат до Балтийского побережья. Экономическую основу этой цивилизации составляло земледелие. Здесь культивировались пшеница, рожь, просо, бобы, горох. Были развиты охота, рыболовство, домашнее скотоводство. Лужицкую культуру отличает своеобразная керамика, изделия из бронзы и железа: мастерски сделанные топоры, ножи, копья, серпы.

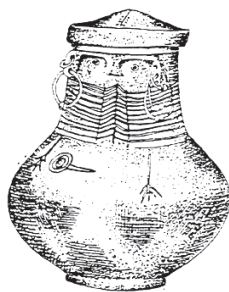
Словенского ученого данные о Лужицкой культуре привлекли не только потому, что ее носители были праславянами, но и потому, что именно эти племена стали известны древним авторам как “вене-

1.

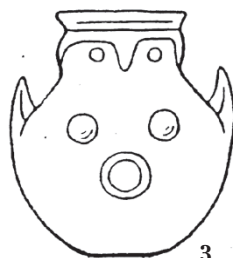
2.

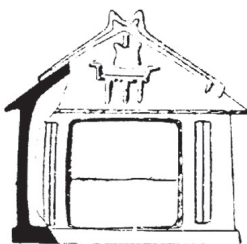
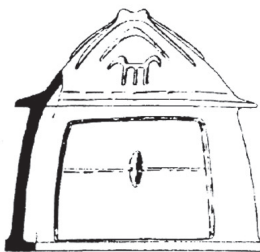
3.

4.

3.

5.

6.

Погребальные урны: Пруссия (1), Гданьск (2), Троя (3), Этрурия (4), Рим (5), Померания (6)

ты”. “Лужицкая культура – это основа, на которой формируются праславяне, или венеты”, – сделал вывод Шавли.⁴⁵

Далее прослеживалась еще одна интересная закономерность. После расцвета Лужицкой цивилизации с ее территории начинается распространение культуры погребальных урн. Ее носители совершают большие походы и, осваивая все новые и новые пространства, заселяют земли от Балтики до Адриатики, включая равнины Альп и север Апеннинского полуострова. Культура захоронений в урнах была связана с развитой системой представлений о загробном мире. Многие ученые выводили ее из района Средиземноморья и в данном случае приписывали иллирийцам. Однако Шавли вслед за польскими и чешскими учеными настаивает на центрально-европейском происхождении урн. Он считает, что “носителями культуры полей погребальных урн были венеты, или венды”.⁴⁶

Согласно данным археологии венеты постепенно завоевали территорию современной Австрии, Баварии, Швабии и Восточной Швейцарии. Здесь стали преобладать их цивилизация и язык. Это были определенно не кельты, которые в данное время насаждали культуру Латен (La ten) в области нынешней Чехии и Моравии. Долгое время в Альпах сохранялась традиция погребения в урнах, но она была не единственной особенностью культуры венетов. В VII-VI веках до н.э. в районе Вилланова достигает расцвета центр, прославившийся уникальными *ситулами* – художественно оформленными обрядовыми кубками.

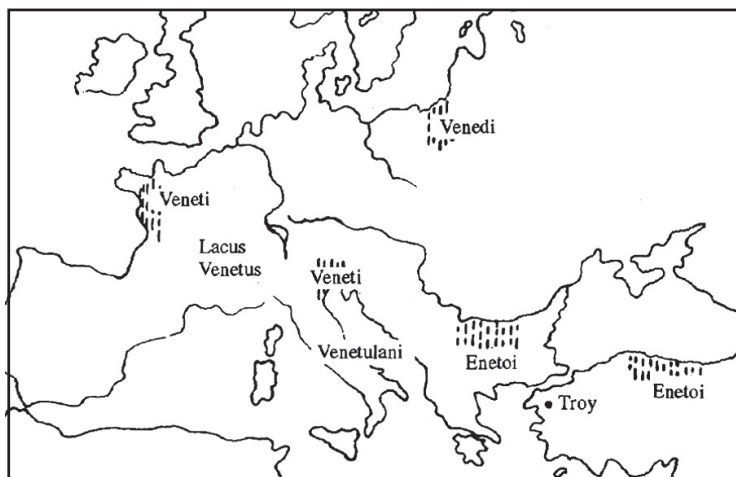
Идентификация праславян как *венетов* не упростила проблему славянского генезиса, а напротив, усложнила ее. Ведь под именем венетов в древности были известны племена, жившие в различных уголках ойкумены. Их название также истолковывают по-разному: одни ученые производят слово “*венеты*” от от корня *ven-*, лежащего в основе глаголов “*veneder*” – торговать и “*vencere*” – побеждать; другие – от кельтского *uindos* – белый; Йошко Шавли вслед за Матеем Бором выводит этноним из названия своего народа – “*slo-ven-t-ci*”. Для большей ясности словенский ученый систематизирует античные упоминания венетов и выстраивает их в следующем порядке со своими комментариями:

1. *Венеты в Пафлагонии* (северное побережье Малой Азии), которых в 9 в. до н.э. упоминает Гомер в “Илиаде” (852). Он говорит, что Пилемен из рода энетов (Enetoi), предводитель пафлагонцев, пришел со специальным отрядом на помощь осажденной Трое. На это сообщение в дальнейшем более или менее очевидно опираются все греческие и латинские авторы, упоминающие о венетах. Их называют также “генетами”, поскольку греческий язык не знал звука “в”, поэтому греки замещали его звуком “h”, дигаммой, который произносился как нечто среднее между “b” и “v”.

2. *Венеты в Иллирике* по нижнему течению Дуная, упоминаемые Геродотом в V в. до н.э. (I, 196). Геродот также называет их “Enetoi”, его упоминание вплоть до недавнего времени помогало историкам отождествлять венетов с иллирийцами, пока лингвистика после второй мировой войны не доказала достоверно, что это два различных этноса.

3. *Венеты в Верхней Адриатике*, о которых также упоминает Геродот (V, 9). Латинские авторы их называют венетами, и в этой связи приводят историю о том, что их после падения Трои привел в эти местности легендарный вождь Антенор.

4. *Венеты в Центральной Европе*, которых в I/II вв. н.э. упоминают Тацит (Ger., 64) и Плиний (IV, 97) под именем Veneti,

Расселение венетов (энетов) по И.Шавли

Venethi или Venedi, а также Птолемей (III, 5) под именем Uenedai. Последний упоминает также Венетский залив (возле Гданьска) и Венетское нагорье (в Мазовше, или Восточной Пруссии).

5. *Венеты в Галлии (Бретань)*, упоминаемые Цезарем, Плинием, Страбоном, Птолемеем, Кассием Дио и др. Эти венеты возвели свое поселение также в Британии, известное под названием Venedotia или Gwineth.

6. *Venetus lacus*, так называет Помпоний Мела (III, 24) нынешнее Боденское озеро в I в. н.э. Возможность того, что данное слово происходило от “vapam” (“вода”) или обозначало синий цвет, не столь велика, чтобы пренебречь этим историческим упоминанием (G.B.Pellegrini). Наименование Boden стоит вывести из слова “voda” - “вода”.

7. *Венеты в Лации*, упоминаемые Плинием под названием Venetulanī (Nat.hist. III, 69). Археология, как уже говорилось, утверждает, что арийское население присутствовало уже после переселения народов, относимого к периоду культуры полей погребальных урн на склонах Албанских гор и в римском Палатине.⁴⁷

К этому списку можно было бы добавить и другие упоминания, а также многочисленные исторические и современные этнонимы, содержащие корень Wen-, Wend-, Win-, но как точно определить, что те или иные венеты были именно славянами, а не другими племенами? Ученые утверждают, что наиболее достоверным способом этнической идентификации является историческая антропология, помноженная на данные лингвистики. Ведь на местах пребывания венетов должны были сохраниться остатки человеческого тела, а на предметах быта – надписи. Кроме того, люди имеют обыкновение сохранять в памяти старые названия мест: то, что в науке называется топонимией.

Камни начинают говорить

Давно уже известно, что на территории современной Германии, Австрии, Италии много имен славянского корня и словообразования. Не надо быть большим специалистом, чтобы услышать родные звуки в таких названиях, как Росток, Волин, Руген, Бреслау, Люббен, Турин, Милан. Скептики отшучиваются. Мол, все это дела веков минувших: не известно, как и откуда возникло то или иное имя; трудно доказать его этническое происхождение, да и нужно ли это?

Современная наука утверждает, что происхождение топонимов вполне доказуемо. Есть специальный раздел этимологии, который определяет этнические корни понятий с большой степенью точности. Опираясь на метод этой науки, доктор Шавли решил исследовать подробно венетские этнонимы как на территории Словении, так и за ее пределами.

Помимо названий рек, типа Драва и Сава, а также знаменитой горы Triglav – Триглав, самой высокой точки в стране, ставшей символом древности Словении, ученый обнаружил в восточных Альпах множество других географических терминов славянского корня, которые не могли быть привнесены в средневековую эпоху. Это такие понятия, как dol – долина, mel – мель preval – перевал, peč – печь, stol – стол, sedlo – седло, klin – клин, povodje – поводье, pregrade – прерпада, nižina – низина, holm – холм и другие.⁴⁸ Все они легко читаются по-русски, если знаешь латинские буквы.

В центральных Альпах, где ныне расположены Швейцария, часть Австрии и северной Италии, также сохранилось немало славянских имен, хотя они частично германизированы и латинизированы. Это такие топонимы, как Strass – stra•a – стража, Pullach – polje – поле, Pogliana – poljana – поляна, Luss – lu•e – ложе, Jerzens – jezero – озеро, Toll – dol – дол, долина, Laas – laz – лаз, Piz – špik – шпик, rog – rog – пор , Scuol – skala – скала, Led – led – лед, Topel – duplo– дубло, Bregens – breg – берег, Lausen – luze – лужа, Konitz – konec – конец, Gradetz – gradec– град, городец, Noga – noga – нога, Camino – kamen – камень, горы под названием Celo – čelo – Чело, Bel – bel – Бел, Versail – vršaj – вершина.⁴⁹

Гора Триглав в Словении

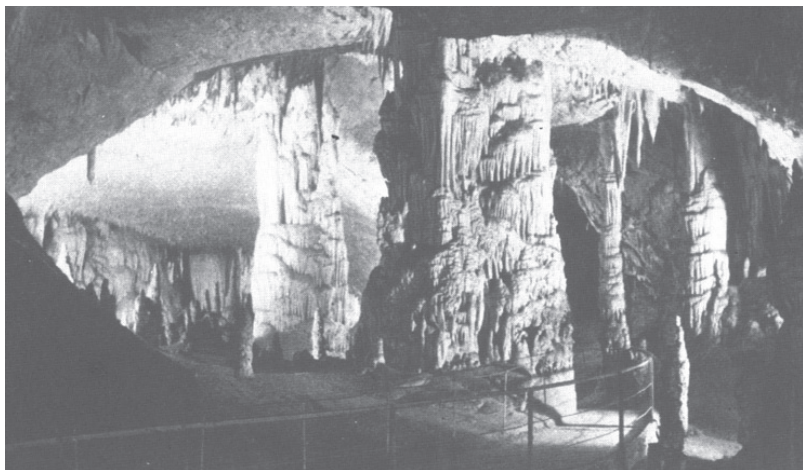
Такое количество совпадений в топонимии (а мной приведена для примера лишь малая часть имен), не может быть случайным, так же как не случайна славянская форма окончаний многих венетских слов. Значит, мы можем утверждать, что: во-первых, язык венетов не был привнесен в Альпы в период войн против Рима, а, во-вторых, он был родным для славян данного региона.

И здесь мы вплотную подходим к главной загадке венетов, к их письменности. Ведь если прочитать памятники письменной культуры, коих накопилось большое количество, то многое прояснится и не надо будет тратить силы на догадки.

Долгое время венетские тексты на урнах и таблицах, на предметах быта и на оружии западные ученые пытались читать с помощью латыни, немецкого или греческого языков. Но из этого ничего толкового не вышло. Были опубликованы фотокопии самих тек-

стов, переводы отдельных фрагментов, комментарии к ним, однако в целом они оставались тайной за семью печатями. В энциклопедиях и лингвистических справочниках по поводу венетского языка обычно утверждалось, что он является самостоятельным, но давно уже исчезнувшим языком индоевропейской группы, по грамматике близким к кельтскому, иллирийскому и итальянскому; его письмо адаптировало элементы алфавита этрусков с добавлением греческих и римских знаков, но, в конце концов, было вытеснено латынью. Короче, “этрусское не читается”.

Тайну происхождения языка венетов и содержание его текстов удалось разгадать словенскому писателю *Матей Бор* (1913-1993).

Древняя пещера Постойня

Следует прежде всего сказать, что личность он неординарная. Будучи по профессии лингвистом и славистом (доктор наук с 1937), Матей Бор прошел сложный творческий путь: от простого литератора и поэта-партизана до члена Академии наук и главы Ассоциации словенских писателей. За свою долгую жизнь он успел поработать драматургом в театре, перевел на родной язык 19 пьес Шекспира, опубликовал ряд книг, сборников стихов и пьес. Одна из книг словенского поэта “Попутчик атомного века” получила мировое признание и была переведена на европейские языки. Но конечно, главное достижение доктора Бора — это расшифровка венетского письма. Он шел к ней всю жизнь, встречая непонимание, удивление, осуждение и даже противодействие. Ныне переводы венетских, этруских и ретийских надписей на словенский язык —

реальность. Их можно обсуждать, комментировать, но их уже невозможно замолчать.

Некогда, увлекшись историей письменности венетов, доктор Бор обнаружил одну симметричную таблицу слов, где четко проглядывалась композиционная закономерность. Ученый попытался прочесть эту таблицу с помощью учебников по венетскому языку Джованни Баттисты Пеллегрини и Мишеля Лежена. Результат оказался плачевным: ни итальянский, ни французский лингвист не дали ключей к загадочному тексту. Таблица, однако, не выходила из головы, и доктор Бор уже помимо своей воли продолжал думать о ней. Решение пришло тогда, когда он попробовал читать

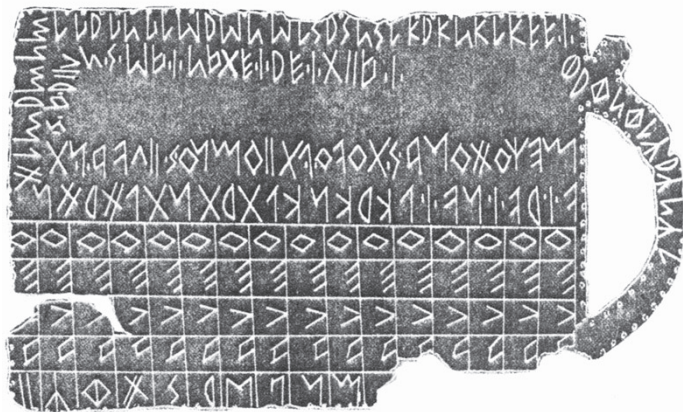

Таблица с венетской грамотой

колонки слов с помощью западных диалектов родного языка. Таблица оказались сводом грамматических правил, где, в частности, объяснялось спряжение словенского глагола “jekat” (стенать, причитать). Когда весь текст оказался освоенным, у Матея Бора оказался в руках ключ ко всей венетской грамоте. И тогда появились первые толкования подписей.

Например, ученый исследует фразу, которую мы передаем латинским шрифтом:

VIDIJ TI K LIMIN PŠIRŠ T BGA

Он ее переводит как:

videc ti ki tablice širiš tu boga

В переложении на русский это звучит как:

ВИДЯЩИЙ, КТО ТАБЛИЦУ БОГА ТУТ ШИРИТ

Далее следуют лингвистические комментарии:

videj – видишь, или видящий от словенского *videc* – видеть

tī – ты, слов. – *tī*

ki (*k*) – кто, слов. – *ki*

limini – таблица, от латинского – *lamina*

pširš – ширить, слов. – *širiš, širiti*

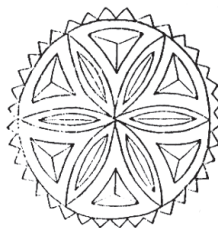
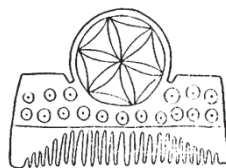
t – тут, слов. – *tu*

bga – бога, слов. – *boga*.⁵⁰

И так в каждом конкретном случае. Каждый перевод Матей Бор сопровождает комментарием, разбором отдельных слов и по возможности – фотоиллюстрацией или прорисью текста: *OSTI JAREI* – *ostani jar* – останься ярим. Всего их более 200: короткие надписи прикладного и сакрального характера на посуде, на инструментах, на оружии, на каменных плитах и горных скалах.⁵¹

Опыт чтения венетского письма позволил лингвисту перейти к дешифровке этрусских надписей. Наука накопила немало сведений об этрусках, но все они крайне противоречивы. Одни ученые считают, что этруски – средиземноморский этнос, пришедший из Малой Азии, другие – что они северо-восточного происхождения. Известно, что этруски, чье самоназвание было “расены”, поселились на Апеннинском п-ве значительно раньше римлян. Этруски-расены, которых античные авторы называли также пелазгами и тирренами, имели передовую по тем временам цивилизацию (VII-V вв. до н.э.), славились своей металлургией, священными знаниями и воинскими традициями. Во многом они были учителями италийцев, особенно в период царствования этрусской династии Тарквиниев.

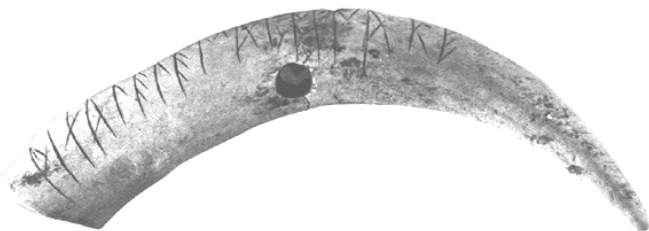
Матеею Бору удалось доказать, что язык этрусков содержит существенные элементы венетской грамоты. Следуя проверенному методу, он предлагает свой вариант перевода типологически близких письменных текстов расенов. Здесь и краткие эпитафии, и памятные надписи, и инструкции, и даже шутки. В одной надписи содержится обращение к богине Миневре (*Menrva*), известной также как Тиния (*Tinia*), в другой – упоминается знатный воевода и правитель Авлес Белускес (*Avleš Beluskeš*), в третьей – содержится предостережение расенам “не пить вместе с хеттами”. В сравнительно большом тексте, на двух сторонах золотой пластинки, рассказывается история храма в честь богини Астарты (*Ashtart*), которую этруски называли Юна (*Una, Juna*). Он был построен неким знатным князем или вождем по имени Вельянас (*Velianas*). Храм стал свидетелем войн с пиратами и италийцами, которые, в конце концов, овладели местностью. Этот текст весьма ценен, так как в нем упоминаются этнонимы, созвучные “расенам” и “словенам”.⁵²

**Плита с изображением Авлеса Белускеса.
Аналогичная символика из Испании, западной и восточной Руси**

От этрусских надписей доктор Бор переходит к текстам на ретийском и мессапском языках. Первый оказывается ближе к венетскому, а второй – к иллирийскому. С помощью славянских диалектов лингвист читает короткие фразы на охотничьих рожках (RITANIM VLKA – loveèim volka – ловчим волка) и кувшинах (ILIRAI LA ZIOVAJ – Ilirijo tu zovi – Илирию ты зови).

Мимо внимания ученого не проходит тот факт, что в исследуемых им надписях встречаются этнонимы и слова близкие к балтийским. Взять того же Вельянаса или Белускеса. Литературовед, конечно, знал о теории балто-славянской общности, существовавшей в Дунайский период (в качестве иллюстрации приводятся многочисленные языковые параллели: dunet – doneti, jemt – jemati, paiest – pojesti, sasalit – zasoliti, vartit – vrteti). Знал он так-

Охотничий рог с ретийской надписью

же о связи религиозных центров славян – *Ретра* – в Центральной Европе и на Балтийском побережье. Теперь же ученый смог с определенностью заявить, что эта общность выражалась на базе венетского языка.

Какие общие выводы делает Матей Бор? Его открытия подтверждают теорию автохтонного происхождения словенцев из Центральной Европы. Они испокон веков жили в Альпах и по Дунаю, где соприкасались с другими праславянскими и прабалтийскими племенами. Это и были венеты, у которых была развитая культура и свой язык. “Единственное отличие между венетским и праславянским языками, – по утверждению лингвиста, – состоит в алфавите”.⁵³ Венеты были близки этрускам; оба племени пришли с севера, но последние постепенно смешались с южным населением. Грамматика венетского языка, многочисленные топонимы и древние термины до сих пор хранят память о жизни праславян в Центральной Европе, что в упор не хотят видеть исследователи и политики, воспитанные на антиславянской идеологии.

От Норика до державы Само

Если бы память о наших предках сохранилась только в однокоренных словах, топонимах, древних надписях и нескольких музейных экспонатах, то книги Матея Бора, Йожко Шавли, Ивана Томажича, да и наш обзор, наверное, не появились бы на свет. Однако суть проблемы как раз в том и состоит, что славяне, меняя названия племен и культур, сохранили в Центральной Европе свою государственность по сегодняшний день. Их история – это логичная цепь преемственности родственных цивилизаций.

Одним из первых государственных образований на территории Словении был Норик (Noricum). Обычно Норик упоминают в одном ряду с соседними областями: Ретией (Rhaetia), Паннонией (Pannonia), Иллирией (Illyricum), которые входили в качестве провинций в состав Римской империи. Все они находились к севе-

Норик на средневековой карте Европы

ро-востоку от Апеннинского п-ва, примыкали к течению Дуная, образуя пограничный пояс между центром империи и внешним миром “варваров”: германцев, скифов, сарматов. Рим долгое время был военно-политической и административной столицей античного мира. От него осталось множество исторических памятников, документов, богатая литературная традиция. Романизации подверглись покоренные племена на западе, севере и востоке. Во всех римских провинциях насаждалась имперская культура и официальный язык – латынь. История местных народов трактовалась в римском духе: роль италийцев, господствующего этноса, преувеличивалась, а подчиненных племен – приижалась и искажалась. Эта традиция была перенята восточно-римской империей – Византией, центр которой находился уже не в Риме, а в Константинополе. Норик вместе с Рецией, Паннонией, Далмацией, Мезией и Дакией был включен в состав большой области – Иллирии. Здесь распространялась уже не культура италийцев, а византийское христианство.

Граждане империи имели свои права и обязанности, а те, кто не подчинялись восточно-римским законам, считались “язычниками”.

В такой религиозно-идеологической ретроспективе дошли до нашего времени письменные сведения о Норике. И словенским ученым пришлось потрудиться, чтобы отделить реальные факты от домыслов, раскопать под многовековыми наслоениями прошлого забытые и вовсе неизвестные пласты истории родного народа.

Действительно, альпийские славяне, известные античным авторам как венеты, были подвержены влияниям кельтов, римлян, германцев, но они не были полностью кельтизированы, романизованы или германизированы, как того требует схема официальной историографии. Они имели свою, автохтонную цивилизацию, которая развивалась на собственной основе с учетом духа времени.

Основой экономической жизни венетов были земледелие и скотоводство. Об этом свидетельствуют многочисленные археоло-

Горная деревня альпийских славян

гические раскопки и косвенные свидетельства. Живописные сцены с изображением землепашцев и крупного домашнего скота мы находим уже на ситулах V-VI веков до н.э. *Плуг* и *соха* – слова исконно словенские. В римскую эпоху именно на территории Восточных Альп, где земледелие достигло наибольшего прогресса, плуг был поставлен на колеса, о чем сообщает Плиний. Умели венеты (генеты) и выращивать породистых лошадей. Их изображения можно встретить на памятниках культур Вилланова, Эсте, Гальштат, и естественно, в Норике, где выращивались как ездовые лошади, так и тяжеловозы. Древний способ отбора и дрессировки жеребцов античные авторы называли “генетским”.

Венеты были хорошо вооружены и у них была сильная армия. Уже в XIII-XV веках до н.э. знатные воины имели тяжелые мечи с

Археологические находки в античном Норике и его окрестностях

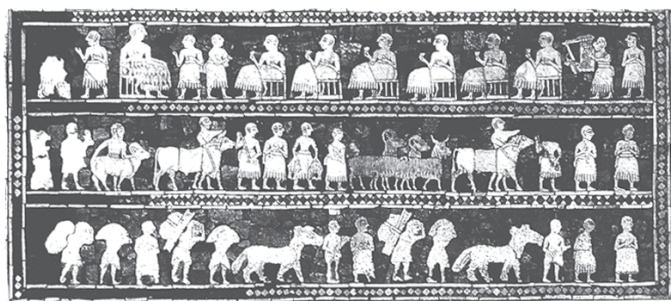
литой рукояткой. В эпоху так называемого Гальштатского периода (800-400 г. до н.э.) на территории нынешней Словении, Австрии, Швейцарии и Баварии производилось железное оружие. Изделия из железа были высокого качества и впоследствии стали известны по всей Европе как “железо Норика”.⁵⁴

О развитости материальной культуры венетов ярко свидетельствует прикладное искусство *ситулы* – ритуальных кубков, украшенных фигурами. Авторы приводят несколько образцов, сопровождая их комментариями. Одна из самых красивых ситул, так называемая Вашка (Vashka) из музея в Любляне, помещена на суперобложке предыдущих изданий книги. Здесь просматриваются несколько жизненных картин: военный поход со всадниками и запряженными повозками; земледelec, погоняющий пару волов; кулачный бой на фоне воинского шлема; музыкант с инструментом в руках и его слушатели. Из кладов Норика археологи извлекли немало древних украшений (бусы, диадемы, кольца, фибулы), а также монеты, относящиеся к доримской эпохе. На лицевой стороне одной из монет, по утверждению доктора Шавли, изображен бог Белен (Аполлон), а на обратной – всадник.

Вопрос о религиозных представлениях альпийских венетов остается малоизученным. Некоторые данные можно почерпнуть из археологических раскопок и древних надписей, а некоторые – из фольклора, местных легенд и сказаний. Выше упоминалось название самой высокой горы в Словении – *Триглав*. Именно так назывался верховный бог у балтийских славян, чей храм находился в районе нынешнего Щецина, столицы Померании. Там, по преданию, было три холма. Трехликий идол бога, символизировавшего три мира: небесный, земной и подземный, был сделан из золота. Бог Белен (Belenus), чье изображение мы находим в книге, был, согласно комментарию доктора Шавли, богом солнца у жителей Норика и Карантании. Он соответствует славянскому Белбогу и греческому Аполлону. Любопытно, что на месте храма Белену был построен храм, посвященный святому Беллино.

О языческом мировоззрении древних словенцев свидетельствуют надписи, расшифрованные Матеем Бором, в частности, упоминание Минервы-Афины и Астарты. В книге излагается также красивая народная легенда о волшебном козле Златороге из стада хозяек горы Триглав, описывается древний обычай словенцев поклонения старой липе – *rej pod lipo* (танец под липой), символизировавшей Древо жизни. Все эти темы чрезвычайно важны для понимания исконного мировоззрения славян и ждут дальнейшего исследования.

Общество в античную эпоху было разделено на сословия: крестьян, воинов, воевод, купцов, князей. В горах люди жили небольшими деревнями (*selo*), а в долинах – в небольших городках

Ситула “Вашка” из Словении и “штандарт из Ура”, Шумер

(grades), где формировалась местная знать. Объединение крестьянских дворов и земель одной деревни называлось “весью” (vas), а народный совет селения – “соседством” (sosednja). Когда необходимо было решать какой-то важный вопрос на уровне округа, в местный центр посылался участник “поезда” (pojesda), а когда решались проблемы общенародного масштаба созывалось “вече” (veče). Система эта очень напоминает новгородский строй, на севере Руси, где тоже собиралось городское “вече”.

Когда римляне присоединили Норик и соседние провинции к империи, они стремились установить там свои законы. Но столичные власти были вынуждены учитывать местные обычаи. Позже народное право словенцев получило специальные юридические на-

Изображения Аполлона (Белена) из Малой Азии и Норика

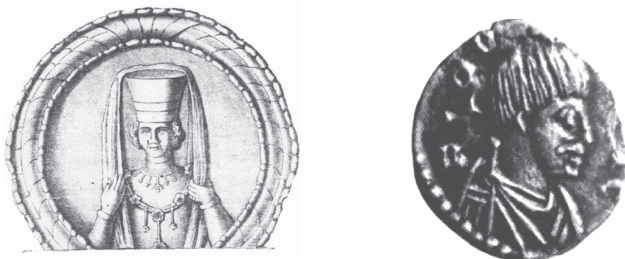
звания: *institutio Slavenica* (словенский правопорядок) и *communis omnium slavica lex* (всеобщий словенский закон). Правовые документы были разработаны по принципу аналогичных кодексов в королевствах готов, лангобардов и алеманов.

Постепенно венетское население было включено в имперскую систему. Этому способствовало уравнивание их в правах с римскими гражданами, признанное при цезаре Каракалле и оформленное на уровне гражданского права (*jus civile*) при Диоклетиане. Местная аристократия была сначала романизирована, а затем христианизирована. В книге мы находим замечательный портрет знатной дамы из Норика на каменной плите римской эпохи (II в. н.э.). Черты лица, одежда и украшения говорят о ее вероятном славянском происхождении.

Обзору событий ранней христианской эпохи уделяется много места в обобщающей работе Ивана Томажича, католического свя-

щенника и ученого.⁵⁵ Дополняя исследования своих соотечественников ценными фактами и деталями, он, в частности, рассказывает о том, как правителем Норика стал вождь скиров – Одоакр (Odoacer). С огромным войском варваров, среди которых было немало славян, полководец вторгся в пределы Римской империи. Римляне предложили ему службу на посту военачальника и наместника императора. Одоакр сначала принял пост, а вскоре, в 476 году, низложил власть Ромула Августула и стал узурпатором. Внутренний Норик входил в состав владений Одоакра, пока его не сверг король готов Теодорих.

Через два столетия Норик стал основой нового объединения словенцев – Карантании (Karantanija), которое сложилось вокруг Крнского града (Krnski grad), когда власть Рима ослабла. В

Знатная дама из Норика II век н.э. Одоакр – вождь скиров

VII веке хорутане объединились с родственными племенами – чехами, моравами, лужицкими сербами и под руководством воеводы Само (Samó) свергли ненавистное аварское иго. Свободное славянское государство, простиравшееся от Вислы до Адриатики, существовало с 623 по 658 год, пока жив был князь Само. После смерти легендарного вождя его государство распалось, но Карантаня сохранила независимость. Позже она попала под влияние франков, а затем еще не раз меняла внешних властителей и покровителей: австрийцев, венгров, южных славян. И всегда, несмотря ни на что, стремилась оставаться сама собой. Об этом – заключительная глава третьей части сборника, написанной Иваном Томажичем.⁵⁶

Наследница Норика и Карантании – Словения дала миру множество замечательных людей. Отсюда был родом известный дипломат и политик, автор одного из первых книжных описаний Московской Руси – Сигизмунд Герберштейн. Здесь жил выдающийся поэт и реформатор литературного словенского языка Франце Прешерн. В этих местах совершил свои научные открытия теоретик космонавтики Герман Поточник.

Держава славянского вождя Само

Столица Словении Любляна, где расположен старинный университет, всегда была важным центром культуры. К концу XVIII века в столице сложился круг просвещенных людей, патриотов своего отечества и убежденных славянофилов. Их лидер и покровитель Жига Цойс считал словенцев корнем великого славянского народа, расселившегося от Чехии до Камчатки. В 1821 году в Любляне прошел один из самых важных съездов Священного Союза – Лайбахский – где председательствовал император Александр I.

Словенцы всегда интересовались Россией, а наши слависты отдавали должное братскому народу. Первыми лингвистами, обратившимися в XIX веке к углубленному изучению словенского языка и его диалектов, были выдающийся русский филолог И.И. Срезневский и его знаменитый ученик И.А.Будуэн де Куртенэ. Когда разразилась большевистская революция, многие русские ученые нашли убежище в Словении.

Сегодня живописная, уютная и гостеприимная страна стала местом паломничества туристов из России, ценителей природы и истории. Многие хотят своими глазами посмотреть на вершину священной горы Триглав, прогуляться по Альпийским долинам, позагорать на пляжах Адриатики.

Для тех, кто станет сопричастным к открытиям Матея Бора, Йошко Шавли и Ивана Томажича, древние земли откроют еще больше тайн и сокровищ. Хорошо, что их труды, наконец, будут опубликованы на русском языке. Где же еще так хорошо поймут авторов книги, если не в России? Сама история, сам родная речь, сама наша жизнь выступают спутниками любознательных читателей.

